

вами «одежда» или «растения» и не понимая этих слов, то такая классификация и означает, что сформировано обобщение, готовое к номинации на более высоком уровне, но само обобщение проведено без опоры на такую номинацию. Показаны возможности подобных группировок на основе выделения существенных признаков, не имеющих вообще соответствующих номинаций у субъекта²⁷, производящего группировку.

Следовательно, формирование понятий, позволяющих адекватное ориентирование на вполне «человеческом уровне» (или «предпонятий», по терминологии А. В а л л о н а²⁸), возможно без опоры на вербализацию, а одними средствами «предметного мышления».

Данные зоопсихологии о возможности обучения высших антропоидов знаковому поведению, т. е. пониманию и адекватному использованию жестового языка глухонемых (около 300 знаков) и системы конвенциональных символов (при этом одно из животных смогло изобрести новый знак и новую комбинацию знаков)²⁹, говорят о том, что человеком унаследован в филогенезе психологический механизм, более сложный, чем первосигнальный, но «еще» не второсигнальный, позволяющий в дальнейшем развитие специфической (человеческой) языковой способности; работу второсигнальной системы следует понимать, таким образом, не как операцию только над нейроэквивалентами словесных сигналов, а как функционирование «сложной системы корково-подкорковых связей», в которой «сложное соединение сенсорных сигналов», перекрываясь (т. е. объединяясь на новом качественном уровне), воздействует на механизмы речевой моторики³⁰.

Как показали исследования Н. П. Бехтеревой, психическая деятельность представляет собой кодовые операции над «акустическими, смысловыми и акустико-моторными элементами», причем для «принятия решения человеческого мозга, по-видимому, достаточно компрессированных кодовых форм», которые «в процессах мышления и памяти могут иметь самостоятельное значение»³¹. И далее: «Долгосрочное хранение в памяти признаков предмета и слова, его обозначающего, возложено, по-видимому, не только на кору, но и на подкорковые области»³².

Упомянутые «компрессированные формы» суть не нейроэквиваленты речевой моторики, а семантические единицы, «смыслы». Когда испытуемым предъявлялись Н. П. Бехтеревой названия конкретных деревьев, в фиксированных импульсах реакций появлялись элементы особой конфигурации, общие для разных названий; родовое понятийное обозначение («деревья») вызывало активизацию именно этих общих импульсов. Новый понятийный уровень, таким образом, «зарождается в недрах старого». Следовательно, если мы в поверхностных структурах разных языков обнаруживаем несоответствие между наличными обозначениями разных понятийных уровней, это не значит, что в психике носителей разных языков не существует тех или иных понятий; может не быть тех или иных знаков, поскольку наличие последних определяется актуальностью номинации, т. е. потребностями коммуникации. Итак, код мышления не изоморфен кодам выражения, «язык, с помощью которого передается информация

²⁷ Горелов И. Н. О возможности различения, запоминания и классификации объектов при отсутствии субъективных номинаций для них. — В сб.: Проблемы психолингвистики. М., 1975, с. 20—30.

²⁸ Валлон А. От действия к мысли. М., 1956, с. 16.

²⁹ Прибрам К. Языки мозга. Перев. с англ., М., «Прогресс», с. 340—345, 369—373.

³⁰ Там же, с. 410.

³¹ Бехтерева Н. П. Интервью с корреспондентом ж-ла «Наука и жизнь», 1976, № 9, с. 82.

³² Там же, с. 81. См. также: Бехтерева Н. Новое в изучении мозга человека. — «Коммунист», 1975, № 13, сентябрь; *её же*. Нейрофизиологический код простейших психических процессов человека. «Вестник АН СССР», 1975, № 11, с. 84—91.